

Е. Петухов

**Записки историко-
филологического факультета
Императорского С.-
Петербургского университета**

**Часть 17. Серапион
Владимирский, русский
проповедник XIII века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Е11

Е11 **Е. Петухов**
Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета: Часть 17. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века / Е. Петухов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 284 с.

ISBN 978-5-458-00828-0

ISBN 978-5-458-00828-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАИ.
Нѣсколько вступительныхъ замѣчаній.....	I—VII
ГЛАВА I. Свѣдѣнія о жизни Серапіона.....	1— 7
ГЛАВА II. Вопросъ о поученіяхъ, подлинно принадлежащихъ Серапіону, и тѣхъ, которыя ему приписываются только по предположенію. — Замѣчанія о взаимномъ отношеніи нѣкоторыхъ изъ подлинныхъ его поученій.....	7— 16
ГЛАВА III. Вопросъ о времени составленія и произнесенія поученій Серапіона и отношеніе ихъ къ свидѣтельствамъ лѣтописи. — Изображеніе татарскаго нашествія въ поученіяхъ С—на и параллельныя этому изображенія того же событія въ армянскихъ хроникахъ и въ русской поучительной литературѣ, современной С—ну. — Благопріятныя мнѣнія С—на о нѣкоторыхъ чертахъ быта и характера татаръ; сопоставленіе съ этими свидѣтельствамъ нѣкоторыхъ иностранныхъ путешественниковъ и историковъ. — Достоверность фактическихъ указаній въ поученіяхъ С—на, подтверждаемая источниками русскими и иностранными.....	16— 38
ГЛАВА IV. Серапіонъ, какъ яркій выразитель настроенія на Руси въ татарскую эпоху; отношеніе его въ этомъ смыслѣ къ русской лѣтописи; параллельныя явленія въ литературахъ иностранныхъ. — Поученія С—на со стороны бытового содержанія. — Схема нравственныхъ пороковъ въ византійской и русской проповѣди. — «Чинъ исповѣданія» въ древне-рус-	

скихъ Трехбичкахъ. — Отношеніе С—на къ схемѣ въ трехъ первыхъ поученіяхъ. — Господство этой схемы въ русской поучительной литературѣ вообще и «слово о мытарствахъ». — Схема въ проповѣди западной. — Положительная форма нравственныхъ назиданій у С—на.....

38— 55

ГЛАВА V. Четвертое и пятое поученія Серапіона. — Чародѣи и колдовство на Руси до С—на. — Отношеніе С—на къ факту народной расправы съ вѣдьмами, въ четвертомъ его поученіи. — Историко-культурная важность фактовъ народного суевѣрія. — Сравненіе съ Западомъ; методъ и точка зрѣнія при этомъ сравненіи. — Колдовство въ языческой и христіанской періоды на Западѣ. — Переломъ въ понятіяхъ о колдовствѣ на Западѣ въ половинѣ XIII-го вѣка; отношеніе западнаго духовенства къ колдовству до этого перелома. — Связь колдовства и ереси въ глазахъ Западной церкви. — Отношеніе западнаго духовенства къ еретикамъ до конца XIII-го ст. и послѣ этого; учрежденіе инквизиціи и ея дѣятельность. — Преслѣдованіе колдовства и колдуновъ (Hexenprozesse) католической и протестантской церковью. — Нехепробенъ на Западѣ. — Холодная вода, какъ средство испытанія вѣдьмъ и чародѣевъ, по западнымъ средневѣковымъ памятникамъ; употребленіе этого способа на Руси. — Порча погоды и хлѣбныхъ поствовъ — какъ главный пунктъ обвиненій, возводимыхъ народомъ на вѣдьмъ и чародѣевъ. — Протестъ изъ среды западнаго духовенства противъ чрезмѣрнаго развитія «вѣдовскихъ процессовъ». — Тайнеръ. — Спее. — Малебраншъ. — Беккеръ. — Вліяніе XVIII-го вѣка на воззрѣнія о колдовствѣ на Западѣ. — Выводы изъ сопоставленія западныхъ протестовъ съ протестомъ С—на. — Преслѣдованіе вѣдьмъ и чародѣевъ въ Россіи въ позднѣйшее время. — Характеръ преслѣдованія колдовства въ Россіи сравнительно съ характеромъ его преслѣдованія на Западѣ. — Воззрѣнія русской церкви на колдовство въ ранній періодъ ея существованія до XVI-го вѣка и затѣмъ — въ XVI вѣкѣ. — «Повѣсть о волхвованіи» и преданіе объ Іоаннѣ Грозномъ, какъ объ истребителѣ вѣдьмъ. — Отраженіе новыхъ строгихъ воззрѣній на колдовство въ русскихъ законодательныхъ памятникахъ съ XVI вѣка до Петра Великаго.....

56—142

ГЛАВА VI. Связь понятій чародѣйства и ереси въ древней Руси. — Посланіе митр. Фотія о стригольникахъ. — Мѣры Геннадія

Новгородскаго и Иосифа Волоколамскаго противъ жидовствующихъ. — Дѣя противоположныя школы, образовавшіяся въ XV—XVI вв. въ древней Руси по вопросу о еретикахъ, и отношеніе этихъ школъ къ старымъ преданіямъ русской церковной жизни. — Участие въ характерѣ дѣятельности Иосифовской школы политическихъ причинъ. — Школа Нила Сорскаго; два посланія заволожскихъ старцевъ и отношеніе послѣднихъ къ еретикамъ. — Вассіанъ Патрикѣевъ и его сочиненія, касающіяся вопроса о еретикахъ. — Старецъ Германъ. — Письмо о «иселобкахъ». — Внутренніе мотивы взглядовъ на еретиковъ школы Нила Сорскаго. — Старцы заволожскіе и Серапіонъ — какъ представители одного направленія древне-русской религиозной мысли. — Взгляды русскихъ ученыхъ на дѣятельность представителей той и другой школы по вопросу о еретикахъ въ XV—XVI вв. 143—167

ГЛАВА VII. Пятое поученіе Серапіона и указываемый въ немъ фактъ выгребанія народомъ изъ земли утопленниковъ и удавленниковъ. — Отношеніе къ этому факту С—на. — Мнѣнія объ умиравшихъ неестественною смертію у Аванасія Александрійскаго, Анастасія Синаита; отголоски этихъ мнѣній въ русскихъ памятникахъ. — Обычай, существовавшій въ древне-русской церкви относительно погребенія умиравшихъ случайно смертію и голосъ церковныхъ пастырей объ этомъ въ XIV и XV вв. — «Посланіе» Максима Грека о томъ же фактѣ народнаго суевѣрія; сопоставленіе этого посланія съ пятымъ поученіемъ С—на. — «Утопленникъ» Пушкина. 167—177

ГЛАВА VIII. Источники передаваемыхъ Серапіономъ фактовъ и опорные пункты его рассужденій: рассказы и живые слухи, св. Писаніе, другіе источники. — Извѣстіе о «гигантахъ». — Черты, характеризующія С—на какъ писателя-проповѣдника. — Слогъ С—на. 178—188

ГЛАВА IX. Древне-русскіе Сборники. — «Цѣпи» въ греческой и латинской письменности. — «Златая Цѣпь»; рукописные экземпляры русской «Златой Цѣпи»; характеристика ея. — Вопросъ о «Златыхъ Цѣпяхъ» въ русской ученой литературѣ. — «Пансіевскій Сборникъ». — Помѣщеніе поученій Серапіона въ Измарагды и Златоусты. — Оцѣнка, сдѣланная поученіямъ С—на древне-русскими книжниками. 189—205

ГЛАВА X. Древне-русская проповѣдь. — Проповѣдь, какъ особый видъ поучительныхъ произведеній. — Русская проповѣдь до Серапіона со стороны ея культурно-историческаго значенія. — Взгляды на древне-русскую проповѣдь Шевырева и проф. М. Петровскаго. — Характерныя черты Серапіона, какъ проповѣдника, и его значеніе въ исторіи древне-русской поучительной литературы.	205—213
---	---------

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. «Слово Іоанна Златоуста о князяхъ божіихъ на насъ», помѣщаемое въ Измарагдахъ, и отношеніе его къ поученіямъ Серапіона.	214—224
II. Къ вопросу объ отношеніяхъ западнаго духовенства къ колдовству въ XVIII в.	225—227
III. Перечень статей «Златой Цѣпи» въ Сборникѣ Погодина № 1025.	227—235

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ.

Изданія и списки поученій Серапіона.	III—XI
Почуенія Серапіона: первое (1—4), второе (4—7), третье (7—10), четвертое (11—13), пятое (13—15).	1—15
Перечень словъ изъ поученій Серапіона.	15—18
Указаніе мѣстъ изъ св. Писанія, приводимыхъ въ поученіяхъ Серапіона.	19

Есть двѣ главныхъ задачи, которыя историкъ литературы можетъ имѣть въ виду по отношенію къ письменному матеріалу, подлежащему его научному изслѣдованію. Первая задача — *литературная по преимуществу*: произведеніе письменности, входящее въ кругъ историко-литературнаго матеріала, разсматривается со стороны его состава; изслѣдуется доля его самостоятельности и, если нужно и можно, указываются источники; историкъ литературы въ этомъ случаѣ предстоитъ задача уяснить, изъ чего возникло данное произведеніе, какъ литературный фактъ, какую литературную исторію пережило оно, прежде чѣмъ получило тотъ видъ, въ которомъ представало, какъ предметъ научнаго изслѣдованія. Тутъ для всесторонняго выполненія его задачи изслѣдователю должно прійти на помощь знаніе прошлыхъ, современныхъ и даже иногда послѣдующихъ за даннѣмъ явленіемъ литературныхъ фактовъ, какъ изъ данной, такъ и изъ другихъ родственныхъ литературъ; разнаго рода сравненія, сопоставленія и сближенія должны шагъ за шагомъ въ подробности опредѣлить внѣшнее и внутреннее строеніе, форму и содержаніе, памятника. Такое изученіе литературныхъ памятниковъ, безъ сомнѣнія, весьма важно и можетъ дать весьма существенные результаты. Новѣйшее сравнительное языкознаніе, поведшее за собой сравнительное изученіе фактовъ духовной жизни народа, выразившихся въ болѣе сложныхъ, чѣмъ звуки и отдѣльные слова, формахъ, — выставило передъ учеными широкое поле сравнительныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій, привед-

шихъ къ замѣчательнымъ выводамъ въ области какъ народной, такъ и книжной словесности. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, въ достаточной мѣрѣ оцѣнить этотъ методъ сравнительнаго чисто-литературнаго изслѣдованія; посредствомъ него были добыты и теперь продолжаютъ добываться не мало такихъ научныхъ положеній, которыя, даря наукѣ, занимающейся духовнымъ прошлымъ человѣчества, весьма цѣнныя приобрѣтенія, освѣщаютъ и тотъ путь, по которому она должна идти впередъ.

Но при всей своей цѣнности и многозначительности этотъ методъ изслѣдованія литературныхъ произведеній не можетъ оставаться единственнымъ и исключительнымъ. Историкъ литературы долженъ имѣть еще и другую точку зрѣнія, съ которой ему слѣдуетъ смотрѣть на литературное произведеніе. Если конечная задача исторіи литературы, какъ не отрѣшенной отъ жизни науки, заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать вмѣстѣ съ другими науками возможно-полному и всестороннему раскрытію тѣхъ путей, по которымъ шло духовное развитіе даннаго народа; если на литературныя произведенія изслѣдователь будетъ смотрѣть не какъ на безжизненные факты письменной производительности, а какъ на живыхъ свидѣтелей непрестаннаго движенія народной мысли и народнаго чувства, какъ на документы разнообразныхъ фазисовъ его внутренняго, духовнаго броженія, — то вышеуказанная чисто-литературная точка зрѣнія окажется недостаточной. Почти каждое литературное произведеніе, помимо его, такъ сказать, письменной исторіи, имѣетъ еще исторію, опредѣляющую его отношеніе къ дѣйствительной жизни; оно не только было составлено тѣмъ или инымъ лицомъ, на основаніи такихъ-то и такихъ-то устныхъ и письменныхъ данныхъ, — оно еще опиралось на духовныя побужденія, которыми руководился его составитель; оно являлось отраженіемъ духа и настроенія какого-нибудь лица, нѣсколькихъ лицъ или даже цѣлаго общества; оно, наконецъ, предполагало и нерѣдко въ дѣйствительности имѣло вліяніе на большій или меньшій кругъ читателей или слушателей. Исторіку литературы предстоитъ въ этомъ

случаѣ выслѣдять тѣ тайныя пружины, которыя заставили данное произведеніе появиться на свѣтъ; опредѣлить сопровождавшую это появленіе общественную обстановку; указать и оцѣнить его возможное или дѣйствительное воздѣйствіе на тѣхъ, къ кому данное произведеніе обращалось. Это значитъ — свести литературный фактъ съ жизнью, его породившей, вдохнуть въ него душу, заставить его говорить — нерѣдко изъ глубины вѣковъ — яснымъ и понятнымъ языкомъ. Тутъ историкъ литературы долженъ призвать на помощь свои свѣдѣнія по общей исторіи времени, къ которому данное произведеніе относится, углубиться во всестороннее изученіе этой эпохи; онъ долженъ показать, какимъ образомъ данное произведеніе могло возникнуть при извѣстныхъ ему условіяхъ, обнаружить, изъ чего оно выросло и что — въ свою очередь — могло породить или породило.

Эта вторая задача — изученія литературнаго явленія въ связи съ жизнью, его произведшей — едвали не есть самая важная и самая привлекательная въ изслѣдованіяхъ историко-литературныхъ; это вѣнецъ историко-литературнаго изученія, приближающій задачу изслѣдователя къ болѣе общей задачѣ — историческаго изученія духовной жизни народа вообще. Эту задачу, въ противоположность первой, чисто-литературной, можно назвать *историко-культурной*, такъ какъ, приводя литературное произведеніе въ связь съ жизнью народа, она служитъ цѣлямъ общаго историко-культурнаго изученія.

Въ суммѣ задачъ, которыя налагаетъ на изслѣдователя исторія литературы, обѣ вышеуказанныя имѣютъ между собою весьма близкое соотношеніе. Чисто-литературная точка зрѣнія необходима для правильнаго приложенія точки зрѣнія историко-культурной; первая служитъ подготовительною для второй; прежде чѣмъ изслѣдовать данный литературный памятникъ въ связи съ жизнью народа, слѣдуетъ изучить его самого по себѣ. Но и наоборотъ: историко-культурная точка зрѣнія, завершая, такъ сказать, задачи историко-литературныя, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ необходимою и для болѣе правильнаго и послѣдовательнаго

приложенія точки зрѣнія чисто-литературной: она освѣщаетъ темные пути историко-литературнаго изученія, поднимаетъ новые вопросы въ этой области и закрѣпляетъ интересъ историко-литературныхъ изслѣдованій въ общихъ задачахъ историческаго изученія человѣчества.

О существованіи этихъ двухъ задачъ, какъ одинаково законныхъ и необходимыхъ, въ особенности не слѣдуетъ забывать историкъ литературы древней. Факты позднѣйшей литературной производительности народа, болѣе близкіе къ теченіямъ жизни, переживаемымъ самимъ изслѣдователемъ, легче могутъ удержать въ его изслѣдованіяхъ связь свою съ самой жизнью, которой они явились отраженіемъ; историкъ же древней литературы нужны нѣсколько большія усилія, чтобы въ достаточной мѣрѣ выполнить требованія, налагаемыя на него вторымъ изъ вышеуказанныхъ методовъ изученія; ему легче увлечься библиологической стороной дѣла и изъ-за буквы потерять изъ виду самую жизнь: тѣмъ необходимѣе настаивать на приложеніи историко-культурной точки зрѣнія въ изслѣдованіяхъ памятниковъ литературы древней.

Вотъ главный мотивъ, которымъ руководился я при рѣшеніи дать изслѣдованіе о Серапіонѣ Владимірскомъ, — авторѣ, не дающемъ большихъ матеріаловъ для приложенія въ изслѣдованіи точки зрѣнія чисто-литературной, но подымавшемъ въ своихъ немногихъ произведеніяхъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ историко-культурномъ отношеніи вопросовъ древне-русской жизни — о суевѣріяхъ: мнѣ хотѣлось послужить важному и вполне законному методу историко-культурнаго изученія древнихъ памятниковъ литературы — въ примѣненіи къ литературѣ русской.

Между памятниками древней литературы, подлежащими историко-литературному изслѣдованію, издавна не упускались изъ виду и памятники проповѣдническіе; но тутъ необходимо строгое разграниченіе и разборчивость: проповѣдь, принадлежащая по существу своему къ спеціальнымъ областямъ вѣдѣнія гомилетики и церковной исторіи, должна подлежать историко-ли-

тературному разслѣдованію постольку, поскольку она отражаетъ въ себѣ или факты современнаго быта, или общественное (умственное или нравственное) настроеніе, или же образъ мыслей проповѣдника, имѣющій интересъ и значеніе не въ одной сферѣ вопросовъ церковныхъ, но и обще-культурныхъ. По отношенію къ русской литературѣ памятники проповѣдническіе имѣютъ тѣмъ большее значеніе: по преимуществу религіозный характеръ древне-русской жизни и письменности предлагаетъ изслѣдователю весьма мало памятниковъ свѣтскаго содержанія, и памятники духовные, между которыми проповѣди, безспорно, занимаютъ въ древней русской литературѣ весьма видное мѣсто, получаютъ для изслѣдователя по необходимости особую цѣнность. — Это было вторымъ побужденіемъ, которымъ руководился я при выборѣ Серапіона предметомъ своего изслѣдованія. Изучая проповѣди Серапіона, мы, разумѣется, имѣли въ виду единственно ихъ историко-культурное значеніе и совершенно оставляли въ сторонѣ ихъ гомилетическія достоинства и недостатки.

Наконецъ, самъ Серапіонъ, какъ личность, несомнѣнно, выдающаяся въ древне-русской поучительной литературѣ, привлекъ къ себѣ наше вниманіе; онъ, казалось намъ, вполне заслуживаетъ особаго изслѣдованія и безпристрастной оцѣнки своихъ заслугъ, какъ авторъ-проповѣдникъ. Это было третьимъ моимъ побужденіемъ при выборѣ темы.

Читатель увидитъ, что въ важномъ историко-культурномъ вопросѣ — о колдовствѣ, подлежавшемъ нашему изслѣдованію, мы обратились къ сравненію съ Западомъ и оставили въ сторонѣ Византію, тѣсная связь и вліяніе которой на нашу древнюю жизнь и народныя міровоззрѣнія не можетъ даже быть сравниваема съ чужимъ почти для насъ — въ тѣ годы, когда жилъ Серапіонъ, и даже значительно позднее — Западомъ; но цѣлю нашего сравненія было не отысканіе взаимодѣйствія и связи, а лишь уясненіе своего собственнаго. Весьма вѣроятно, что многое, бывшее у насъ по отношенію къ указанному вопросу, имѣло мѣсто и въ Византіи, и было бы очень интересно

и поучительно показать это на самомъ дѣлѣ; но эта область византійской исторіи литературы и культуры до такой степени мало тронута научнымъ разслѣдованіемъ, что глазамъ наблюдателя представляется однѣ необъятно большой сырой матеріалъ изъ котораго не все приведено въ извѣстность даже въ смыслѣ его существованія; многое лежитъ въ рукописяхъ, даже не описанныхъ. Пускаться въ такое безбрежное море съ надеждой хоть на нѣкоторую полноту изслѣдованія — по отношенію къ указанному вопросу о колдовствѣ — было бы чересчуръ смѣлымъ; тутъ нужны еще многія подготовительныя работы. По отношенію же къ Западу совсѣмъ другое дѣло: тамъ указанный вопросъ разобранъ съ замѣчательной обстоятельностью, но, не смотря на это, намъ предстояло не мало труда разобрать въ подробности тѣ памятники, изученіе которыхъ было необходимо примѣнительно къ нашему Серапіону и на которые западные изслѣдователи не обратили большого вниманія, не имѣя на то особыхъ побудительныхъ причинъ. Ниже мы подробнѣе укажемъ на соображенія, которыми руководились при этомъ сравненія съ Западомъ.

Не смѣю думать, чтобы я выполнилъ всѣ требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ моему труду; недостатки послѣдняго я глубоко сознаю; разнообразіе вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію, можетъ быть, не дало мнѣ возможности сосредоточиться на всѣхъ ихъ одинаково внимательно; но мнѣ казалось все-таки, что, предлагая этотъ опытъ вниманію образованныхъ читателей и ученой критики, я даю о нашемъ проповѣдникѣ въ достаточной мѣрѣ полное изслѣдованіе — соотвѣтственно тѣмъ даннымъ, которыя до сихъ поръ о немъ имѣются, и утѣшался мыслию, что мои промахи и недочеты въ нѣкоторой мѣрѣ будутъ извинены тѣмъ, что въ этомъ изслѣдованіи шелъ я не торною дорогой.

Научная разработка Серапіона въ нашей литературѣ ограничивается двумя небольшими замѣтками о немъ Филарета Черниговскаго (въ Приб. къ Твор. Св. Отц., I, 92—96) и покой-